

УДК 165.41

DOI: 10.17223/1998863X/64/27

Р. Фогелин

ЛОГИКА ГЛУБОКОГО РАЗНОГЛАСИЯ

В статье предложено понятие глубокого разногласия, развивающее идею Л. Витгенштейна о важной роли принципиальных положений научного знания и познания – «дверных петель» – в свете его развития, обсуждения, а также уточнения методологии. Глубокое разногласие – это фундаментальное абнормальное расхождение во мнениях между сторонами, когда стороны могут соглашаться по многим вопросам, но находиться в глубоком разногласии из-за столкновения своих моральных позиций. Глубокое разногласие неразрешимо посредством доказательства, демонстративной аргументации и ясного искреннего мышления. Для его преодоления необходимо признать существование глубоких разногласий и допустить использование убеждения-уговаривания и иных приемов влияния.

Ключевые слова: неформальная логика, аргумент, рассуждение, доказательство, убеждение

[1]¹ Лучшее свидетельство растущего значения неформальной логики – то беспокойство, которое она вызывает в старых и более консервативных кругах. Когда система разнородных методик, находящихся в зачаточном состоянии и помимо прочего с трудом поддающихся машинной оценке, подменяет таблицы истинности, генценовские правила натурального вывода и вереницы посылок в нормальных формах предложений, многие считают, что что-то пошло не так.

Сегодня тенденции развития неформальной логики, безусловно, разрозненные и разнонаправленные, и одна из причин, которая их объединяет, – это высокие педагогические требования. Фундаментальной задачей логики в учебных программах колледжей является развитие навыков и методов критической оценки и последовательного представления аргументов. В противовес этому считается, что формальная логика в том виде, как ее обычно преподают, эту функцию не выполняет. Конечно, разногласия здесь не только педагогические. Философия естественного языка по-прежнему сохраняет свое влияние, в результате чего многие до сих пор полагают, что аппарат современной символической логики не отвечает богатству, тонкости и силе естественного языка. Применение этого аппарата скорее искажает, нежели проливает свет на суть дела. На мой взгляд, методы формальной логики могут быть с успехом использованы для экспликации таких фундаментальных понятий, как корректность, логическая форма, тавтологии, противоречия и т.д. Но эти методы мало пригодны для непосредственной оценки реальных аргу-

¹ Эта статья была впервые опубликована в журнале *Informal Logic*. Vol. 7, No. 1 (1985), pp. 1–8, и перепечатана в *Informal Logic*. Vol. 25, No. 1 (2005), pp. 3–11. Цифры в квадратных скобках в тексте обозначают начало страниц с этими номерами в тексте 1985 г., они были вставлены в публикацию 2005 г. редакторами журнала. Перевод сделан Е.Н. Лисанюк и Н.В. Перовой по публикации 2005 г. с любезного разрешения вдовы философа Флоренс Фогелин [1]. Переводчики благодарны У. Скриннот-Армстронгу за содействие в получении разрешения (*Примеч. пер.*).

ментов, едва те оказываются чуть сложнее простейшего уровня. Однако во- все не это я хочу обсудить.

Неформальная логика в своем самом робком и худшем виде – это немно- гим больше, чем неформальная формальная логика. Она перенимает предрас- судки традиционной логики, обычно это дедуктивистские предубеждения, и повторяет их подчас небрежно и неточно. Несмотря на существование не- формальной логики, люди намного лучше осведомлены о том, что един- ственный хороший аргумент – это корректный дедуктивный аргумент. Это проявляется на практике, когда считают, что если аргумент не поддается нашим добровольным усилиям по преобразованию его в состоятельный де- дуктивный аргумент, то он никуда не годится. Особенно если учесть, что лю- бой аргумент, который интуитивно кажется состоятельным, несложно рекон- струировать таким образом, чтобы придать ему достойный вид, сообщаемый дедуктивно корректной формой. Просто добавьте скрытую условную посылку, содержащую конъюнкцию предъявленных посылок в качестве его анте- цедента, представьте заключение аргумента как ее консеквент, и вуаля, вы получили дедуктивно корректный аргумент, который не может быть более спорным, чем первоначальный.

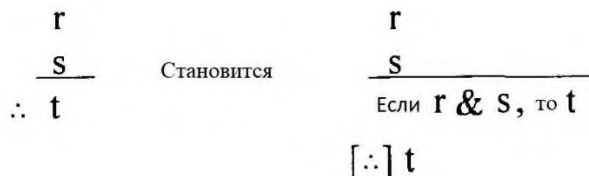

Рис. 1. Схема реконструкции аргумента

Если исходный аргумент кажется корректным, то, конечно, не может быть никаких возражений против истинности скрытой и добавленной посылки. И раз можно прекратить спор, как только представлен корректный аргумент, то вы даже не столкнетесь с парадоксом Льюиса Кэрролла или парадоксом Ахиллеса и черепахи.

[2] Излишне говорить, что реконструкции такого рода – это как размахивать руками в споре. В реконструкции наша цель состоит в том, чтобы отыскать базовые принципы, служащие основанием для нашей первоначальной интуиции о приемлемости аргумента. Многое говорит в защиту использования подобного метода реконструкции аргументации. Нередко случается, что если выявить принципы, дающие, как представляется, поддержку аргументу, то они оказываются ложными, и поэтому приходится отбросить или по крайней мере изменить наш исходный аргумент. Применять сократовский метод скорее к фоновым принципам, чем к определениям, – это полезная процедура, но и его легко исказить дедуктивным шовинизмом. Настаивать на том, что любой приемлемый аргумент должен допускать реконструкцию, раскрывающую его дедуктивную корректность без упомянутого выше размахивания руками, – значит полагать, что убедительных индуктивных аргументов не существует. Опять же, настаивать на том, что наши базовые принципы все без исключения невосприимчивы к любым контрпримерам, какими бы они ни были, значит принять рационалистический идеал и забыть, что многие из

наших базовых принципов верны не абсолютно, а только по большей части, как сказал бы Аристотель.

Но я думаю, что главная опасность принятия дедуктивной модели для всех рассуждений, даже в качестве идеала, заключается в том, что ее следствием является скептицизм. Требование, чтобы в любых приемлемых аргументах заключение обязательно следовало из неопровержимых посылок, приводит к тому, что практически все те повседневные аргументы, которые кажутся нам вполне здравыми, на самом деле никуда не годятся. В краткосрочной перспективе обнаружение такой почти универсальной иррациональности студенты находят поразительным. В развенчании есть свои прелести. Долгосрочные последствия менее благотворны. Если студенты придут к убеждению, что в любом представленном им нетривиальном аргументе они всегда могут найти какие-то погрешности, то различие между хорошими и плохими аргументами будет извращено и вся затея с аргументацией, похоже, потеряет смысл.

Действительно, одна из насущных проблем в преподавании логики состоит в том, что мы рискуем превратить наших студентов в радикальных скептиков, пусть и ненадолго. Например, студенты часто трактуют идею неопределенности таким образом, что все понятия без четко очерченных границ считаются неопределенными. Полагаю, что можно и так понимать идею неопределенности, хотя мне это не нравится. Однако в результате такие студенты часто отвергают как некорректные вообще все аргументы, где употреблены понятия, допускающие пограничные случаи. Аналогичная проблема возникает с двусмысленностью, ссылками на авторитет, аргументами, содержащими оценочные термины, и т.д. Поскольку все аргументы на проверку оказываются плохими, постольку стандартные классификации ошибок в рассуждениях, если применять их поверхностно и механически, не решают задачи, которую призваны решать, — отличать хорошие аргументы от плохих.

Ответ на это, конечно же, заключается в том, что студенты должны научиться анализировать аргументы таким образом, чтобы учитывать контексты, в которых они встречаются. Термины в аргументах могут быть неопределенными, но нельзя позволить, чтобы эта неопределенность служила усилению аргумента, хотя она и может способствовать его ослаблению в некоторой степени, с учетом намерений и целей, с которыми его вообще предъявили. Наконец, аргументы могут содержать ключевые термины, неопределенность которых *неустранима*, например, распространенные устойчивые или образные выражения, указывающие на то, что мы действительно не понимаем диапазона применения таких терминов.

Сказанное выше может показаться банальным. Я не припоминаю, что когда-либо слышал, чтобы кто-то выступил с заявлением вроде: «Не обращайтесь внимания на контекст, он не имеет значения». Но обращение к контексту представляет собой важный отход от стандартного взгляда на аргументы. Аргументы больше не рассматриваются просто как некий строй предложений, в котором одно из них назначено заключением, а остальные по отношению к нему представлены как посылки. Аргументы рождаются в ходе такой деятельности как спор, а споры — это то, чем занимаются люди. Более того, люди вступают в спор по разным причинам в стремлении достичь самых раз-

ных целей. Тулмин¹ был прав, [3] говоря об *использовании* аргументов, а не только о пользовании аргументом.

Здесь я хочу обратиться к очень простому случаю использования аргументов или приведения доводов, чтобы объяснить определенное поведение. У А. спрашивают, почему он выбирает конкретную дорогу, и он отвечает: «За рыбой я хочу заехать в последнюю очередь». Это утверждение можно посчитать за убедительный ответ. С другой стороны, оно может быть встречено возражением: «Нет, в последнюю очередь тебе следует заехать в Гран-Юньон, я не хочу, чтобы мороженое растаяло». И это тоже может быть убедительным, но спор может на этом не закончиться. Парируя, А. может указать на то, что в это время дня движение в данном направлении крайне напряженное и было бы лучше немного подождать, чтобы дать ему рассосаться. В ответ он может получить напоминание «Сегодня суббота». Люди таковы, каковы они есть, и мы вполне можем вообразить и куда более острую версию подобной дискуссии.

Эту зарисовку из загородной жизни я хочу сопроводить кантовским вопросом: как возможны такие споры? Ответ или часть ответа заключается в том, что есть много общего во взглядах и предпочтениях участников таких разговоров, если проводить границу между теми и другими. Спорщики хорошо знают окружающую местность, согласны, что растаявшее мороженое никуда не годится, свежая рыба лучше тухлой и т.д.

Важной особенностью этих общих взглядов и предпочтений является то, что они остаются за кадром и не упоминаются. Они направляют дискуссию, но не выступают ее предметом. За исключением разве что замечания в духе: «Вы же не хотите рыбу „второй свежести“, не так ли?». Общность взглядов и предпочтений обеспечивает конструкцию или структуру, в рамках которой *можно выстроить доводы* с учетом того, что выстраивание доводов обычно сводится к тому, чтобы указать на уже известные факты или расположить их определенным образом с целью прояснить их значение. Это все происходит на поверхности, под которой находится толстый пласт не подвергаемых сомнению отложений.

Я утверждаю, что спор или, лучше сказать, *обмен аргументами* является *нормальным*, когда он проходит в контексте *широко* разделяемых взглядов и предпочтений. Я также буду настаивать на том, что для того, чтобы обмен аргументами был нормальным, должны существовать разделяемые сторонами процедуры разрешения разногласий. Люди часто расходятся во мнениях по поводу простых фактов, но в целом они разделяют взгляды о том, каким должен быть метод разрешения разногласий. Если вы думаете, что Роду Кэрю в прошлом году удалось больше хет-триков, чем Джорджу Бретту, мы это можем запросто проверить. Если турнирная таблица вас не убеждает, то разговаривать с вами – пустая трата времени.

Последний пункт носит систематический характер. Турнирные таблицы пользуются особым доверием при обсуждении прошлых спортивных дости-

¹ Тулмин Стивен Эделстон (1922–2009) – британский философ, автор влиятельных научных трудов в области философии науки и теории аргументации, работал в ряде университетов Британии и США. В трактате «Использование аргументов» (The uses of argument) (1958) предложил модель аргументации, включающую шесть взаимосвязанных компонентов, сейчас именуемую моделью аргументации Тулмина (Примеч. пер.).

жений. Конечно, в них могут закрасться ошибки, и есть способы, как их обнаружить. Но если бы вообще возникли возражения против использования официальных турнирных таблиц, вроде «Что заставляет вас думать, что вы можете им доверять?», этот вопрос показался бы настолько странным, что его скорее пропустили бы мимо ушей, чем попытались бы на него ответить. Мы можем вообразить себе мир, в котором бейсбольные турнирные таблицы систематически лгут, и это не вызывает ни малейшего протеста со стороны игроков. Однако нет никаких оснований полагать, что наш мир чем-то похож на этот воображаемый мир. Действительно, надежность официальных турнирных таблиц считается частью тех рамок, в которых проходят обсуждения подобного рода.

Эти размышления подводят меня к следующему тезису: главное применение языка аргументации, включая язык оценки аргументов, реализуется в контексте нормального или почти нормального обмена аргументами. Утверждение о том, что вот это демонстрирует или доказывает нечто еще, во многом похоже на утверждение о знании. В трактате «О достоверности» Витгенштейн отмечает, что «человек говорит: „Я знаю“, когда готов предоставить убедительные аргументы. „Я знаю“ относится к возможности продемонстрировать истину» (№ 243)¹. Спор – это процесс создания таких убедительных доводов. Но для того чтобы быть убедительными, основания должны быть истинными или по крайней мере считаться истинными и вместе с другими принятыми предложениями давать адекватную поддержку утверждению, истинность которого хотят установить. Таким образом, спор, т.е. участие в обмене аргументами, предполагает наличие обязательств разделять фоновые общие взгляды и предпочтения. Вот что далее пишет Вит- [4] генштейн:

341. То есть вопросы, которые мы ставим, и наши сомнения зиждутся на том, что для определенных предложений сомнение исключено, что они словно петли, на которых держится движение остальных [предложений]².

342. Иначе говоря, то, что некоторые вещи на деле не подлежат сомнению, принадлежит логике наших научных исследований.

И вот еще более известное:

344. Моя жизнь держится на том, что многое я принимаю произвольно.

Я полагаю, что сама возможность аргументации, возможность подлинного обмена аргументами зависит от того факта, что вместе *мы* принимаем многие вещи.

Но если аргументы предполагают этот богатый фон согласия, как вообще возникает разногласие и что остается делать аргументам? Один из очевидных ответов заключается в том, что люди, участвующие в обмене аргументами, часто заинтересованы в том, как разрешается спор. Спор, как и другие виды человеческой деятельности, бывает жестким. Спор – это еще и сложное занятие. Это один из навыков, то, что люди могут делать хорошо или плохо. В самом деле, как давно заметил Юм (в своем обсуждении «нефилософской

¹ Орывки из трактата Витгенштейна «О достоверности» взяты из издания под ред. G.E.M. Anscombe and G.H. von Wright, translated by Denis Paul and G.E.M. Anscombe, J&J Harper, New York and Evanston, 1969 [2].

² Здесь и далее перевод дается по: Витгенштейн Л. О достоверности // Философские работы. Ч. I. М.: Гнозис. 1994. С. 321–405 (Примеч. пер.) [3].

вероятности» в «Трактате») и как заново открыли когнитивные психологи, человеческие существа, похоже, наделены врожденной способностью все запутывать, как только строение аргументации оказывается сложнее простейшего уровня. Это особенно верно в отношении индуктивных умозаключений, в которых, например, склонность к поспешным и необоснованным обобщениям, кажется, встроена в человеческий мозг.

Далее, наш обычный неспециализированный язык содержит богатую систему необходимых инструментов для исправления и оценки аргументов, как настаивает Майкл Скривен¹. Я думаю, что он прав, хотя и склонен иметь в виду наиболее цивилизованные сегменты словарного запаса. Я думаю, что некоторые более грубые приемы аргументации тоже представляют интерес. Допустим, например, что я обвиняю кого-то в упрямстве. Говорить так не подобает, но это и не оскорбление. Назвать кого-то упрямым – значит предъявить вполне конкретное обвинение: упрямец продолжает цепляться за свою позицию, несмотря на то, что были приведены убедительные доводы, свидетельствующие против нее. Но для кого они убедительны? Мы говорим, что они должны быть убедительными для *него*, иначе было бы неправильно называть его упрямым. Он знает, что доводы верны, и в иной ситуации признал бы их силу, будучи менее заинтересованным в исходе спора.

Давайте теперь рассмотрим утверждение о том, что некто предвзят. Человек, которого я обвиняю в предвзятости, имеет право спросить: «В чем я предвзят?». И тогда на меня ложится бремя доказывания, что он намеренно умалчивает определенные факты, поддерживающие то мнение по обсуждаемому вопросу, которому он противостоит, или что он умалчивает факты, свидетельствующие против его позиции. Таким образом, я пытаюсь подчеркнуть, что поскольку в любом случае обвинения в предвзятости и упрямстве апеллируют к общему здравому смыслу, постольку они имеют смысл только в нормальном (или почти нормальном) контексте аргументации. И я хочу обобщить это утверждение следующим образом: значимость всех наших приемов аргументации находится внутри по отношению к нормальным (или почти нормальным) контекстам аргументации. В терминах Витгенштейна, слова, которыми мы пользуемся в аргументации, – это слова из разряда подобранных случайно; они обладают весьма специфическими функциями, которые проявляются только тогда, когда прочие слова со своими регулярными функциями уже находятся на своих местах.

II

Эти размышления подводят меня, наконец, к центральному вопросу этой статьи: что происходит с аргументами, когда контекст аргументации не является ни нормальным, ни почти нормальным? Ответ, к которому сказанное нас, видимо, подталкивает, таков: аргумент становится невозможным в той степени, в какой контекст аргументации становится менее нормальным. Это не [5] равнозначно слабому утверждению, что в таких контекстах споры разрешить нельзя. Это более сильное утверждение о том, что если контекст ар-

¹ Скривен Майкл (1928–) австралийский ученый-эрудит и философ, известен вкладом в теорию оценивания, автор целе-независимой методики оценивания (Goal-Free Evaluation, GFE), используемой в самых разных областях, от компьютерных программ и научных публикаций до аргументов и персонала (Примеч. пер.).

гументации не является нормальным, то условия для аргументации отсутствуют. Язык аргументации может сохраняться, но он становится бессмысленным, поскольку апеллирует к тому, что отсутствует: к общим фоновым взглядам и предпочтениям. Теперь я хочу сказать о *глубоких разногласиях*. Мой тезис или, скорее тезис Витгенштейна заключается в том, что поскольку глубокие разногласия подрывают сущностные условия спора, постольку их нельзя разрешить посредством аргументов.

Что такое глубокое разногласие? Сначала позвольте мне сказать о том, что я не имею в виду под этим понятием. Разногласия могут быть сильными и при этом не быть глубокими. Разногласия также могут быть неразрешимыми и не быть глубокими. Я могу спорить до посинения, пытаясь безуспешно вас в чем-либо убедить. Это можно объяснить тем, что один из нас тупой или упрямый. И беспристрастному наблюдателю, несомненно, будет под силу решить такой вопрос. Однако когда сталкиваются основополагающие принципы, мы попадаем в разногласия совершенно иного сорта. В этих обстоятельствах стороны могут быть беспристрастными, непредвзятыми, последовательными, вразумительными, точными и аккуратными, и все же не соглашаться. Причем не соглашаться не поверхностно, а основательно. Теперь, когда я говорю об основополагающих принципах, я думаю о том, что другие (Патнэм¹) назвали рамочными предложениями (*framework propositions*), или о том, что Витгенштейн склонен был называть правилами. Когда аргументация порождена столкновением рамочных предложений, мы получаем глубокое разногласие.

Воспользуемся примерами. Отличительной чертой неформальной логики является нацеленность изучать аргументы подлинные, сложные и актуальные взамен искусственно заготовленных. Одна из любимых тем – моральная сторона абортов. Прежде всего отметим, что аргументы противоположных сторон на эту тему в нормальном режиме могут быть поставлены под вопрос, т.е. подвергнуты критике, которую надлежит учитывать, разве что участник спора предвзят, упрям и т.д. Аргументы на любую тему могут быть наводящими, предвзятыми, с намеком, туманными и т.д. Для глубоких разногласий характерно, что они сохраняются даже после ответа на нормальную критику. Еще одна особенность глубоких разногласий в том, что они невосприимчивы к фактам. Стороны, противостоящие друг другу по вопросу об абортах, могут соглашаться по широкому кругу биологических фактов – когда у плода начинается сердцебиение, когда впервые появляются мозговые волны, когда возникает жизнеспособность и т.д., и тем не менее расходиться во мнениях по вопросу морали. Поскольку моральный статус плода является центральным вопросом дискуссий об абортах, и его нельзя урегулировать, ссылаясь на биологические факты или цитируя моральные принципы, рамками которых моральные агенты или пациенты и так уже ограничены, постольку их разногласия могут быть даже более живучими, чем вообще согласие по моральным вопросам, например о святости человеческой жизни.

Здесь заманчиво этой ситуации поставить следующий диагноз. То, что я назвал глубокими разногласиями, порождено конфликтами между рамочными предложениями. Эти конфликты не поддаются разрешению, потому что

¹ Патнэм Хилари Уайтхолл (1926–2016) – влиятельный американский логик и философ, профессор Гарвардского университета, автор каузальной теории референции, концепции множественной реализуемости, мысленного эксперимента «мозг в колбе» (*Примеч. пер.*).

допускается, чтобы рамочные предложения – источники таких разногласий – находились на заднем фоне, работая на расстоянии. Выявить эти фоновые предложения, а затем обсудить их напрямую – вот способ поставить спор на рациональную основу.

Это звучит привлекательно, пока мы не рассмотрим подробно, как могло бы выглядеть такое обсуждение. Сторонники одной из позиций спора об аборт-ах будут считать, что при зачатии или, если выразиться аккуратнее, вскоре после зачатия бессмертная душа входит в оплодотворенное яйцо и тем самым обретается личность. Почему мы должны верить во что-то подобное? Что ж, хотя бы потому, что это часть более широкой традиции, которая коренится в откровении и которую поддерживает и углубляет религиозная вера. Не знаю, насколько хорошо я представляю эту позицию, моя душа к ней не лежит, но я пытаюсь подчеркнуть мысль о том, что когда мы добираемся до источника [6] глубокого разногласия, мы находим не просто отдельные предложения вроде «Плод – это личность», но вместо этого целую систему предложений и парадигм, моделей, стилей поведения и мышления, которые взаимно поддерживают друг друга и составляют формы жизни, если можно так сказать.

Полагаю, что понятие формы жизни опасно, особенно когда его используют в единственном числе. Лучше сказать, что человек участвует во множестве форм жизни, которые накладываются и пересекаются разными способами. Какие-то из этих форм жизни имеют мало общего с другими. Это объясняет, почему мы можем вступать в дискуссии и обмениваться разумными аргументами по широкому кругу вопросов с людьми, которые, как мы думаем, верят в совершенно безумные вещи, например, что заботиться о сохранении природных ресурсов неблагоприятно, потому что это отрицает неизбежность второго пришествия. Но можно ли доверять по любому вопросу человеку, который в это верит? На этот вопрос можно ответить утвердительно. Например, такой человек может быть экспертом по вопросам краткосрочной аренды.

Так что тут не стоит преувеличивать. Утверждение о существовании глубоких разногласий не означает, что они являются чем-то заурядным. Как я уже говорил, разногласия могут накаляться, не будучи глубокими. Но если глубокие разногласия могут возникать, то какие рациональные процедуры можно использовать для их разрешения? Ход нашего обсуждения ведет к ответу, что НИКАКИЕ. Поскольку эти идеи исходят от Витгенштейна, позвольте мне процитировать его собственные слова. Ближе к концу трактата «О достоверности» встречается следующая серия абзацев:

608. Положениями физики я руководствуюсь в своих действиях, разве не так? Должен ли я сказать, что у меня нет для этого достаточных оснований? Не это ли мы как раз и называем достаточным основанием?

609. Допустим, мы встретили людей, которые не считают это убедительным основанием. И все же как мы себе это представляем? Ну, скажем, вместо физика они вопрошают оракула. (И потому мы считаем **их** примитивными.) Ошибочно ли то, что они советуются с оракулом и следуют ему? Называя это «неправильным», не выходим ли мы уже за пределы нашей языковой игры, атакуя их?

610. И правы мы или не правы в том, что сражаемся с ними? Разумеется, наши действия будут подкреплены всяческими лозунгами.

611. Где действительно сталкиваются два непримиримых принципа, там каждый объявит другого глупцом и еретиком.

612. Я сказал, что стал бы «сражаться» с другим, – но разве я отказался бы приводить ему основания? Вовсе нет; насколько же далеко они простираются? В конце оснований стоит убеждение. (Подумай о том, что происходит, когда миссионер обращает туземцев.)

Если мы вернемся сейчас к неформальной логике, то мы обнаружим, что ее сторонникам не удалось избежать глубоких разногласий. Более того, они с энтузиазмом ухватились за эти разногласия. И некоторые работы по неформальной логике, по крайней мере иногда создают впечатление, что неформальная логика обладает ресурсами для разрешения подобных разногласий. Как и Витгенштейн, к подобным утверждениям я отношусь скептически. Чтобы проиллюстрировать это, я рассмотрю один случай глубокого разногласия – спор об аффирмативных действиях, или о так называемых квотах «обратной дискриминации».

Будучи неформальными логиками, мы можем многое рассказать о внешних особенностях этой дискуссии. Мы можем указать, например, что сама фраза «обратная дискриминация» тенденциозна. В самом деле, мы можем сколь угодно долго говорить о последовательности и убедительности аргументов в поддержку позиций каждой из сторон по данному вопросу. Однако в глубине души стоит признать, что на стороне тех, кто выступает против аффирмативных квот, имеется очень веский аргумент. Это аргумент справедливости. В том, что касается распределения преимуществ, аффирмативные квоты являются одновременно и чрезмерно и недостаточно инклюзивными. Многие из тех, кто извлекает выгоду из таких квот, сами не были жертвами предрассудков и не находятся из-за них в каком-либо ущербном положении. В то же время многие из тех, кто пострадал от предрассудков или оказался из-за них в каком-либо ущербном положении, [7] не получают аналогичных льгот просто потому, что они не относятся к тому классу, на который распространяется программа аффирмативных квот. Еще более тревожит то, что аффирмативные квоты являются одновременно и чрезмерно и недостаточно инклюзивными в отношении возлагаемого ими бремени. Издержки по возмещению ущерба, вызванного дискриминацией, не будут возложены на многих из тех, кто ранее извлек из нее выгоду, и, что еще хуже, эти издержки будут возложены на многих людей, которые никоим образом не были причастны к извлечению выгод из дискриминации. Наконец, эти так называемые плохие совпадения нельзя списывать со счетов как незначительные и неизбежные административные упущения. Аффирмативные квоты не просто несправедливы, в значительной степени порождая ими несправедливость вполне преодолима.

Конечно, приведенный выше аргумент можно усилить, например, если процитировать соответствующие статистические данные, и, разумеется, можно оспорить некоторые из его посылок касательно фактов. Здесь я хочу рассмотреть ответ совершенно другого сорта, который не оспаривает или, по крайней мере, не обязательно оспаривает какие-либо утверждения о фактах в приведенном выше аргументе. Он имеет следующий вид. Предрассудки, которые мы таковыми признаем, например предрассудки против меньшинств, были направлены против них не как индивидов, а как членов определенной группы. Однако это не так. На деле очень многие люди, пострадавшие от ра-

совых предрассудков, оказались чернокожими. Из-за того, что они были чернокожими, они, скорее всего, и пострадали от предрассудков. Более того, они пострадали от предрассудков со стороны установленной группы – правящего белого большинства. Предрассудки были групповым явлением, как и тот ущерб, который они повлекли. Таким образом, требование возмещения ущерба – это не требование одного человека к другому, а требование одной группы к другой. Справедливость требований черного меньшинства к белому большинству коренится в подробных исторических и статистических данных, достоверность которых никто не отрицает.

[8]

Я хочу сказать, что мы здесь имеем дело с глубокими разногласиями, потому что противоборствующие стороны могут соглашаться по всем историческим и статистическим вопросам, но все же не соглашаться. Фактически спор идет о моральной позиции. В этом смысле ситуация похожа на споры по поводу аборт, что объясняет, по крайней мере частично, почему ее так трудно разрешить. Аргумент против квот основан на предположении, что иметь моральные требования свойственно только индивидам. Аргумент в пользу квот основан на предположении, что социальные группы могут иметь моральные требования по отношению к другим социальным группам. Но слово «предположение» слишком слабое. Каждая из сторон ведет аргументацию в рамках таких обязательств. Есть ли способ рассудить подобное столкновение? Признаюсь, я не понимаю, как¹.

III

Легенда гласит, что, когда пифагорейцы обнаружили иррациональность квадратного корня из двух, они поклялись хранить тайну. Возможно, в отношении глубоких разногласий нам стоит избрать ту же стратегию. Наше дело зиждется, по крайней мере частично, на допущении, что ясное искреннее мышление способно разрешить фундаментальные вопросы. Но если в итоге, а порой этот итог оказывается уже очень близок, нам приходится прибегать к уговариванию (*persuasion*), то что же плохого в том, чтобы использовать эти приемы с самого начала? На это есть ответ. В контексте нормальной аргументации утверждения сторон отсылают к взаимоприемлемым основаниям, применительно к которым стороны несут ответственность за свои утверждения. Тем не менее что мы должны сказать о глубоких разногласиях? Мы можем настаивать на том, что не все разногласия являются глубокими, и что даже в условиях глубоких разногласий люди могут спорить хорошо или плохо. В конце концов, однако, следует сказать правду: есть разногласия, иногда по важным вопросам, которые по своей природе не подлежат рациональному разрешению².

¹ По моему опыту, каждый усматривает некоторый смысл в подобных аргументах против аффирмативных квот, апеллирующих к правам человека. Однако куда меньше смысла видят в контраргументах, апеллирующих к правам групп. Внятное обсуждение последней точки зрения см. в [Fiss, 1977]. Эта книга представляет собой сборник влиятельных мнений, отражающих противоположные позиции по данному вопросу.

² В этом эссе я сосредоточился на глубоких разногласиях, возникающих из-за конфликтов между структурами убеждений. Глубокие разногласия также могут возникать из-за различий в шкалах предпочтений. Излишне говорить, что структуры убеждений и шкалы предпочтений существенным образом связаны между собой, и по этой причине глубокие разногласия, несомненно, намного сложнее, и, по-видимому, еще менее поддаются разрешению, чем это здесь представлено.

Литература

1. Fogelin R.J. The Logic of deep disagreement // *Informal Logic*. 2005 (1985). Vol. 25, № 1. P. 3–11.
2. Wittgenstein L. On Certainty // Ed. Anscombe G.E.M., von Wright G.H. Blackwell, 1969.
3. Витгенштейн Л. О достоверности // Философские работы. М.: Гнозис. 1994. Ч. I. С. 321–405.

Robert J. Fogelin (1932–2016), Dartmouth College (USA).

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2021. 64. pp. 275–285.

DOI: 10.17223/1998863X/64/27

THE LOGIC OF DEEP DISAGREEMENTS

Keywords: informal logic; argument; reasoning; demonstration; persuasion

The concept of deep disagreement proposed in the paper develops Wittgenstein's idea of the essential role played by the fundamental provisions of knowledge and cognition, on which, like on hinges, their development, update, discussion, as well as their methodology, are based. Deep disagreements are principal abnormal differences of opinions between parties. The parties in the deep disagreement can agree on many issues, but still disagree in their moral standings. Deep disagreements cannot be resolved by means of proof, demonstrative reasoning, and clear sincere thinking. For overcoming it, it is necessary to recognize the existence of deep disagreements and to allow using the tools of persuasion and other ways of influence.

References

1. Fogelin, R.J. (2005) The Logic of Deep Disagreement. *Informal Logic*. 25(1). pp. 3–11.
2. Wittgenstein, L. (1969) *On Certainty*. Oxford: Basil Blackwell.
2. Wittgenstein, L. (1994) *Filosofskie raboty* [Philosophical Works]. Translated from German. Moscow: Gnozis. pp. 321–405.